

Валентина УСКОВА, 1944, г. Волгоград, Россия

ЖИЗНЬ ВОПРЕКИ

Вся моя жизнь — это противостояние смерти, лишениям, черствости, ударам судьбы. Вся моя жизнь — это череда встреч с человечностью в большом и малом.

Выживала я благодаря поступкам и душевным порывам, демонстрирующим сопереживание, жалость, милосердие, заботу, помощь.

Я родилась в Германии, в городе Штутгарт, в концлагере Бад Каннштадт.

В 1942 году моих родителей (фамилия наша была Масловы) немцы угнали в Германию. Мама говорила, что их с отцом вначале разлучили - мужчин и женщин распределяли по разным лагерям – и только в 1943 году они случайно встретились на шарикоподшипниковой фабрике «Норма», где оба трудились чернорабочими...

Беременная, мама ходила на работу, стягивая живот и пряча его под лохмотьями. А когда я родилась, пришёл полицай, чтобы меня забрать - новорождённых детей в лагерях сразу отбирали. Но папа меня не отдавал, бросился защищать меня и маму. Папу застрелили. Но тут поднялись все рабочие. А был уже апрель 1944 года. Перелом в ходе войны был очевидным, немцы уже не рискнули расстрелять всех заключенных в лагере. И полицай махнул рукой, сказав только: «Сама сдохнет».

Целый год мама меня прятала в этом аду. Совсем маленькую привязывала меня под грудь и так вместе со мной работала. А когда я чуть подросла, оставляла меня в бараке. Смотреть за мной было особо некому. Я ползала по бараку, а если выползала на улицу, полицай отшвыривал меня ногой обратно, словно футбольный мяч. Вот так мы и выживали. И выжили.

В сентябре 1945 года после проверки на фильтрационном пункте в городке Нордхаузен мама привезла меня в деревню Глобино Полтавской области. Там проходил набор на курсы медсестёр. Но мама, поскольку находилась какое-то время в концлагере, считалась неблагонадёжной, и учиться ей не позволили. Она подрабатывала в колхозе на разных работах – куда пошлют.

Там она встретила молодого парня, который вернулся с фронта. У него было ранение в пах, и он думал, что никогда не сможет иметь детей. А у мамы уже была я. И они решили пожениться. Мама была счастлива – наконец-то ей повезло в жизни. Как-то, когда она с остальными работниками шла с поля, началась страшная гроза. Но маму переполняло счастье, и она шла и пела песни. Ей попеняли, что не стоит в такую грозу петь, что это не к добру. Но мама только смеялась. Пришли домой, в маленькую кухоньку со столом у окна, с печью посередине. Мамина сестра держала меня на руках, сидя у двери, а мама подошла к печи. И тут прогремел страшный взрыв - шаровая молния влетела в трубу.

Мы все попадали на пол. А молния ударила в маму. Мама погибла от удара молнии в правый висок. Это случилось 26 марта 1948 года.

Я очень хорошо помню, как хоронили маму. Дождь шёл, не переставая. Гроб стоял близко к стене дома, капли дождя с крыши падали на край гроба, и брызги попадали на меня. Даже сейчас, когда я рассказываю об этом, мне хочется вытереть лицо.

После гибели мамы я какое-то время жила в семье её сестры. В это время на Украине был страшнейший голод, и лишний рот никому не был нужен. Двоюродный брат, видимо, слыша разговоры своей матери, всячески старался от меня избавиться, подстраивая всякие каверзы. Например, заставлял меня забираться на крышу и прыгать оттуда в надежде, что я разобьюсь. Поэтому у меня множественные переломы ног.

Однажды тетя повела меня к деревенскому фельдшеру. Ссылаясь на

то, что у неё много детей и ей не прокормить ещё одного ребёнка, тётя попросила военфельдшера взять меня. Та отказалась – у ее мужа были перебиты обе ноги, и он был прикован к постели, ухаживать за лежащим мужем и растить меня ей было не по силам.

Было уже темно, добираться до дома было страшно, и тетя попросилась на ночлег. А когда утром все проснулись, тётя моей и след простыл. Она оставила мой узелок с кое-какими вещами и документами, а сама убежала. Когда Клавдия – так звали фельдшера - просмотрела мои документы и узнала, что я выжила в концлагере, сердце её дрогнуло. Я помню, как она повернулась к мужу и спросила: «Ну как я смогу и тебя, и её поднять?». Муж её долго молчал, а потом сказал: «Знаешь, ты меня выходишь, а потом мы с тобой её вырастим. Нам с тобой её Бог послал». Так меня и удочерили. И я из Масловой превратилась в Букину. И отчество моё из Матвеевны превратилось в Александровну.

Моя приёмная мама была человеком очень самолюбивым и гордым и не хотела, чтобы кто-то знал, что я им не родная. Она демобилизовалась и мы уехали в Кременчуг. В поезде у нас украли чемоданы с вещами и документами, и нам было очень нелегко жить, но мы всё равно были счастливы. Отца мама, конечно, поставила на ноги.

Семья прожила в Кременчуге до 1956 года, а потом уехали в Сталинград к родственникам. И дальнейшая моя судьба связана с городом, который отстояли, как и жизнь новорожденной в концлагере, люди с добрыми и храбрыми сердцами, умелыми руками и чуткими душами.